

Некоторые теоретические обоснования развития уголовного права в современной России

Иванов А.М.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридической школы Дальневосточного федерального университета
(Владивосток)
E-mail: Ami_25.07@bk.ru

Корчагин А.Г.,

кандидат юридических наук,
профессор кафедры конкурентного и предпринимательского права
Юридической школы Дальневосточного Федерального университета
(Владивосток)

Аннотация. Четкое понимание тенденций в уголовном праве позволяет не только выработать правильное отношение к нему, но и сформировать адекватную политику по преодолению преступности в стране, полагают авторы, приглашая читателей к осмыслению этой проблемы.

Ключевые слова: обоснование, преступность, правовая политика, основные тенденции, уголовное право.

Общественное развитие в нашей стране не стоит на месте. На его ход оказывают влияние внутренние и внешние процессы, подчас противоречивые, среди которых одно из главных мест занимают процессы, связанные с глобализацией. Наиболее широкому осмыслению тенденций общественного развития определенно будет способствовать опыт философско-правового осмысления развития уголовно-правовых отношений.

Еще в начале XX в. американский исследователь методов воздействия на преступников, Генри М. Буайе, предварял свой труд (по педологии) такими словами: «Чем более мы знакомимся с деталями попыток общества обеспечить защиту от преступников, с древних времен и до наших дней, тем основательнее поддаемся впечатлению о беспорядочных затратах и их бесполезности. Несмотря на наши огромные издержки в усилиях и денежных средствах, преступность продолжает расти, а население чувствует себя незащищенным. Законы — не защищают»¹. Казалось бы, почему тогда в настоящее время, спустя более ста лет, ученые продолжают свои исследования, ведут поиск наиболее эффективного воздействия на преступников, разрабатывают все новые законы? Ведь, действительно, пессимизм, съедавший Буайе, в наше время имеет куда больше оснований. Означает ли это то, что мы должны прекратить опыт исследования преступности и методов воздействия на нее? Думается, как раз напротив. Исследования должны предпринять более охватывающий масштаб, поскольку в наши дни мы наблюдаем все

большую интеграцию стран в ходе глобализационных процессов.

Обратимся к нынешнему состоянию уголовно-правовых норм в РФ. Можно сказать, что Уголовный кодекс РФ и отдельные его институты выражают либеральную либо либерально-консервативную идею в том смысле, в котором право связано с идеей права — права равенства, справедливости, а вторая — совмещает идею автономии личности, связана с традиционалистическим подходом к установлению автономии². Уголовное право, по данному подходу, нуждается в совершенствовании, пересмотре, реформировании. В странах с распространенной, хотя и нигде не победившей, идеологией либерализма ставится вопрос о кризисе уголовного права, инфляции уголовного закона и необходимости легитимации как действующего закона, так и возможных его изменений.

Тенденции развития российской преступности свидетельствуют о том, что в современных условиях преступность отчетливо «распадается» на три составляющие: международную, транснациональную и национальную. Последняя в условиях глобализации становится в основном проявлением корыстных, общеуголовных преступлений, которые только и в состоянии контролировать правоохранительные структуры³.

² Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2009. С. 89–94.

³ Рахманова Е.Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. М., 2008. С. 78–101; Иванов А.М., Корчагин А.Г. Общетеоретическая концепция прав человека как вектор, определяющий направление совершенствования правовой политики в России // Право и политика. 2013. № 7. С. 880–888.

¹ См., напр.: Иванов А.М., Корчагин А.Г. Пути развития уголовного права до начала XXI века. Сравнительный анализ: монография. Lambert Publishing, 2014. С. 4.

Представляется, что именно под воздействием глобализации и резкого имущественного и социального расслоения в национальной преступности происходит поляризация двух ее видов: с одной стороны, это общеуголовная, корыстная, бытовая, маргинальная преступность; с другой — преступность «беловоротничковая», организованная, транснациональная. Степень доверия граждан к уголовному праву (легитимация уголовного права) определяется, в первую очередь, содержанием уголовного закона, отражающим народные представления о ценности защищаемых благ и справедливости уголовно-правовых средств этой защиты. Наряду с этим доверие населения к уголовному праву будет определяться практикой применения уголовного закона. В связи с этим легитимность уголовного закона будет находиться в обратной зависимости от уровня «выборочности» уголовного правосудия, его политизации, предвзятости и степени «открытости» в условиях российской действительности⁴.

В самом общем виде, на наш взгляд, необходимо: а) издать Уголовный кодекс как целостной правовой акт, соответствующий роли и традициям российской государственности и уголовно-правовой науки; б) создать легитимную, нормативно-правовую базу для охраны важнейших социальных ценностей в новых условиях; в) обеспечить принуждением действительность (исполнимость) принимаемых нормативно-правовых актов; сделать невыгодным и в ряде случаев невозможным совершение запрещенных проступков; г) обеспечить право собственности и экономический оборот, гарантировать права граждан.

В решении проблемы уголовно-правовой регламентации того или иного социального явления необходимо изначально определиться: 1) какая роль отводится данной отрасли в регулировании общественных отношений вообще и в разрешении того или иного социального конфликта в частности; 2) какому кругу субъектов права будет адресован уголовный закон; 3) какие уголовно-правовые средства будут использованы с учетом характера реализуемых отношений; 4) по каким показателям судить о степени реализации уголовного закона в правомерном поведении. Что же касается ролевой характеристики уголовного закона, то, по общему правилу, при регулировании одного и того же вида общественных отношений ему должна отводиться второстепенная роль по сравнению с иными отраслевыми юридическими режимами регулирования⁵.

⁴ Пудовочкин Ю. Легитимация уголовного права // Уголовное право. 2007. № 4. С. 37–42.

⁵ Звечаровский И. О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. 2005. № 3. С. 32–34.

В последнее время в юридической литературе активно обсуждается «широкое» понимание уголовного права, т.е. воссоздания права (уголовных проступков) как составной части (подотрасли) уголовного права в широком смысле слова. Данная идея сегодня нашла поддержку у ряда авторов⁶. Так, В.А. Номоконов считает, что криминализация некоторых административно наказуемых деяний, которые совершаются неоднократно или систематически, может быть оправданной, если учесть, что общественная опасность присуща именно личности преступника⁷. Однако заметим, если повторность или систематичность сама по себе образует объективную сторону правонарушения, то она определяет степень общественной опасности деяния, а не субъекта, а значит характеризует деяние, а не личность преступника.

Административная преюдиция является инструментом стирания границы между преступлением и административным проступком. Не может деяние, обладающее «нулевым» признаком общественной опасности, стать преступлением даже при многократном его повторении (Н.Ф. Кузнецова, А.Г. Кибальник). На наш взгляд, введение административной преюдиции в плане предупреждения преступности представляет собой «переложение» ответственности за отсутствие профилактики правонарушений с лиц, виновных в этом, на самого правонарушителя.

Важные гарантии защиты от политического манипулирования уголовным законом должны быть заложены в нем самом и связаны с формальным закреплением признака противоправности, конструирования исчерпывающего перечня составов преступлений. Уточнение понятия преступления может способствовать демонстрации политического компонента процессов криминализации⁸.

Не менее важен функциональный подход для решения проблемы уголовной ответственности юридических лиц. По мнению Л.В. Головки⁹, вопрос должен стоять не о «введении» уголовной ответственности юридических лиц, а о «месте»

⁶ См., напр.: Иванчин А.В. О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. 2013. № 12. С. 98–107; Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в широком смысле // Библиотека криминалиста. 2013. № 1. С. 37–45.

⁷ Номоконов В.А. «Криминализация» административного права или административный произвол криминализации // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 208–213.

⁸ Пудовочкин Ю.Е. Проблемы политического в преступлении и преступного в политике (методологические размышления) // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 5–17.

⁹ Головки Л.В. Необходимость принятия организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Закон. 2012. № 9. С. 70–82.

данной ответственности в системе российского уголовного права. С одной стороны, ясно, что круг уголовно-правовых санкций, которые могут налагаться на юридическое лицо, крайне ограничен (штраф, отзыв лицензии и принудительная ликвидация). С другой стороны, судя по ведущимся в настоящее время дискуссиям, сторонники уголовной ответственности юридических лиц предполагают распространить ее в том числе на ограниченный перечень тех деяний, которые в случае их совершения физическими лицами предполагают жесткие наказания в виде лишения свободы (коррупция, терроризм и т.п.), в силу чего относятся к категории преступлений.

Выход из сложившейся ситуации скорее всего следует искать в разделении всех уголовно-наказуемых деяний, совершаемых юридическими лицами, на две категории: а) на те деяния, за которые юридическое лицо может нести самостоятельную уголовную ответственность (например, неуплата налогов); б) на те деяния, за совершение которых юридическое лицо может нести исключительно акцессорную уголовную ответственность, когда уголовное преследование юридического лица может иметь место только в случае преследования за то же деяние физического лица. В первом случае категория наказуемого деяния определяется санкцией, которая может быть возложена именно на юридическое лицо, что приводит к квалификации такого деяния в качестве проступка или правонарушения. Уголовная ответственность юридического лица за совершение преступлений может быть лишь акцессорной и никакой другой (Головкин Л.В.).

Наличие в уголовном законе «мертвых норм» является крайне нежелательным и даже опасным явлением, вред от которого гораздо более масштабный, чем даже от полного отсутствия регулирования. Это — одновременно один из симптомов и результат деградации уголовной политики; причина — проявление и следствие нарушений принципа концентрации уголовной репрессии, обязывающего сосредотачивать направления «уголовно-правового удара» на наиболее важных, социально значимых участках борьбы с общественно-опасными деяниями. Такие нормы образуют в своей совокупности «нормативный сор», который неоправданно расширяет границы уголовной репрессии, наполняет уголовный закон лишним, чужеродным содержанием, дезорганизует правоприменителя и рядовых граждан, отвлекает силы и средства правоохранительных органов, создает дополнительные трудности в оценке качества реализуемой уголовной политики.

Оптимизация уголовного закона возможна в следующих направлениях:

- «естественно умершие нормы» должны быть изъяты из уголовного закона;
- «мертво рожденные нормы» должны быть реанимированы и усовершенствованы;
- «искусственно умерщвленные нормы» должны быть активированы¹⁰.

Совершенствование уголовного законодательства на современном этапе происходит преимущественно в одном направлении — криминализации все новых и новых форм общественно опасного поведения. Требуется показ того, что произойдет с определенным видом преступного и опасного поведения, каким будет отношение населения, возможно ли усиление коррупции, как изменится влияние правоохранительных органов и субъекта власти на социальные процессы. Иными словами, необходимо социально-проектное обоснование каждой уголовно-правовой новеллы¹¹.

Концентрация уровня уголовной репрессии проявляется в следующих направлениях.

1. Концентрация криминообразующих признаков в составе преступления. Чем больше признаков указано в законе и чем менее они допускают различное толкование, тем больше обеспечивается простота, ясность и недвусмысленность уголовно-правового запрета.

2. Концентрация преступных деяний в одном составе преступления. В уголовно-политическом отношении следствием такого сокращения стало, на наш взгляд, неоправданное ослабление внимания к проблеме бытового и уличного хулиганства как к такой криминологической угрозе, которая наиболее близка подавляющей части населения страны.

3. Концентрация уголовных наказаний в санкциях статей уголовного закона. Наивысшей степени концентрации в них достигает такой вид наказания, как лишение свободы на определенный срок — от 82,5% до 89,9%. Даже весьма поверхностный анализ концентрации наказаний в санкциях статей уголовного закона, по нашему мнению, позволяет сделать вывод о сравнительно высокой репрессивности уголовной политики в борьбе с преступлениями в сфере экономики. Смысл нынешней политики уголовно-правового регулирования сводится к тому, чтобы создать для предпринимателя нормативный режим наибольшего благоприятствования. Современное уголовное право должно развиваться как поливариантный инструмент, в котором есть не только лишение свободы, но и инструменты альтернатив уголовному преследованию, медиация, альтернативные наказания и т.д. Лишение свободы, в том числе и в экономической сфере, также, раз-

¹⁰ Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые» нормы в уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.

¹¹ Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 271–272.

умеется, неизбежно в качестве крайнего средства реакции на особо опасное для общества и экономики поведения¹².

4. Концентрация составов однородных преступлений в структурной единице текста уголовного закона. Наука уголовного права реагирует на изменения уголовно-политической и криминологической ситуации предложениями о совершенствовании структуры уголовного закона. В частности, специалистами предлагается обособить в самостоятельных главах УК РФ нормы о преступлениях против интеллектуальной собственности (А.В. Шульга), о преступлениях против генетического кода человека (Н.Е. Крылова), о преступлениях, связанных с незаконным обращением с предметами повышенной опасности (И.И. Бикеев), о преступлениях против свободы (Т.Н. Нуркаева) и др. Реализация данных предложений может существенным образом изменить представления об охраняемых ценностях, переориентировать уголовную политику, поставить перед ней новые и не вполне стандартные задачи.

5. Концентрация всех составов преступлений в едином уголовном кодексе. Необходимо обсуждать вопрос о целесообразности комплексного уголовно-правового регулирования отдельных вопросов, выявлении их преимуществ и недостатков. И только после проведения специальных исследований, с привлечением методов моделирования и прогнозирования, после изучения опыта зарубежных стран, в которых не существует полной концентрации уголовной репрессии в едином законе, можно делать обоснованные выводы о возможности и целесообразности использования такого опыта в России¹³.

На правоприменительном уровне воплощение принципа концентрации уголовной репрессии способно: 1) в высокой степени рельефно обозначить те направления уголовной политики, которые должны формироваться с учетом приоритетных объектов правовой и социальной защиты; 2) обеспечить сосредоточение всех профилактических сил общества на наиболее значимых участках борьбы с преступностью и тем самым способствовать повышению эффективности защиты личности, общества и государства от криминологических угроз; 3) стать дополнительной платформой для реализации на уровне законодательства концепции

«маленького, но жесткого» уголовного кодекса в противовес набирающей силу тенденции конструирования кодекса «большого, но мягкого»; 4) оптимизировать баланс административно-правовых, уголовно-правовых и иных мер предупреждения преступлений, в том числе за счет распределения профилактической нагрузки между федерацией и ее субъектами; 5) снять распространённые случаи неоправданного различного подхода к определению вида и объема ответственности за сходные по уровню общественной опасности деяния; 6) изменить практику применения наказания и иных мер уголовно-правового характера; 7) оказать влияние не только на решение уголовно-правовых задач, но и иметь межотраслевой выход, совершенствовать практику применения мер уголовно-процессуального пресечения. «Кусочная» модернизация уголовно-процессуального законодательства по конъюнктурным соображениям усугубляет кризис правоохранительной деятельности в нашей стране. Следует признать тупиковым путь в сторону выделения в отдельные производства дел в отношении лиц, совершивших налоговые и экономические преступления в сфере предпринимательской деятельности¹⁴.

Построить единую и достоверную модель действия уголовного права не удавалось и ранее, а сейчас, в условиях социальных перемен, такая задача и вовсе кажется непосильной. Видимо, стоит обсуждать различные авторские подходы к пониманию уголовного права. Так, на наш взгляд, интересна концепция Н.В. Щедрина¹⁵. Автор полагает, что категориями первого порядка должны стать «уголовное деяние» и «уголовное воздействие». Преступление — это только один из видов уголовного деяния, а наказание — один из видов мер уголовного воздействия.

И.А. Петин предлагает как промежуточный вариант для постепенного перехода от действующего УК РФ к системному и эффективному уголовному законодательству «Концептуальную модель общей части Криминального кодекса России»¹⁶. Сущность предлагаемой концепции адекватного вменения преступного вреда состоит в том, что осознанное и неосоз-

¹² Головки Л.В. Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики // Закон. 2011. № 9. С. 43–56; Головки Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 127–135.

¹³ Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. 2010. № 4. С. 169–175; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 5–16.

¹⁴ Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. 2013. № 1. С. 5–19; Скобликов П.А. Основания и последствия ослабления ответственности за экономические преступления в современной России // Закон. 2011. № 9. С. 96–105.

¹⁵ Щедрин Н.В. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал. ОГУЭП. Иркутск, 2012. № 2. С. 5–12.

¹⁶ Петин И.А. Концептуальная модель общей части Криминального кодекса России // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 291–315.

нанное означает в совокупности «преступный вред». Предлагаемая концепция вменения преступного вреда обладает достоинствами предшествующих до нее концепций объективного и субъективного вменения при одновременном устранении их недостатков. Если первая признает отсутствие свободы воли, то вторая дает возможность учитывать внутренний мир субъекта в форме его намерений (мотивов) и результата (целей) при одновременном преодолении фактора субъективного усмотрения правоприменителя. Концепция адекватного вменения преступного вреда в полной мере реализует важнейший для достижения целей наказания принцип уголовного права, а именно принцип неотвратимости наказания. Данная концепция закладывает основы информационного уголовно-правового воздействия на субъекта преступления и иных лиц.

Определенный оптимизм вызывает то обстоятельство, что по инициативе Общественной палаты РФ группой экспертов по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов совместно с ведущими специалистами в области уголовного права был подготовлен проект Концепции уголовно-правовой политики РФ¹⁷. Вместе с тем, в качестве пожелания инициаторам и разработчикам данного проекта можно сформулировать следующую рекомендацию. В настоящий момент речь ведется только об одном направлении уголовной политики — уголовно-правовой ее составляющей. Остальные части единой системы под названием «уголовная политика России» — уголовно-процессуальная, криминологическая, пенитенциарная политика — остаются пока без внимания¹⁸. Думается, сколь бы совершенной ни оказалась модель одного из фрагментов целостного механизма (Концепция уголовно-правовой политики), без всех остальных компонентов этого механизма упомянутая система эффективно не заработает.

Список литературы

1. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. 2013. № 1. С. 5–19.
2. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. 2010. № 4. С. 169–175.
3. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4.
4. Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые» нормы в уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.
5. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 5–16.
6. Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 127–135.
7. Головкин Л.В. Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики // Закон. 2011. № 9. С. 43–56.
8. Головкин Л.В. Необходимость принятия организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Закон. 2012. № 9. С. 70–82.
9. Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в широком смысле // Библиотека криминалиста. 2013. № 1. С. 37–45.
10. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемены: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.
11. Звечаровский И. О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. 2005. № 3. С. 32–34.
12. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Общетеоретическая концепция прав человека как вектор, определяющий направление совершенствования правовой политики в России // Право и политика. 2013. № 7. С. 880–888.
13. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Пути развития уголовного права до начала XXI века. Сравнительный анализ: монография. Lambert Publishing, 2014. 316 с.
14. Иванчин А.В. О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. 2013. № 12. С. 98–107.
15. Мальков А.В. Теория правовой политики. М., 2012.
16. Номоконов В.А. «Криминализация» административного права или административный произвол криминализации // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 208–213.
17. Петин И.А. Концептуальная модель общей части Криминального кодекса России // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 291–315.
18. Пилипенко Ю.С. Концепция уголовно-правовой политики: реальность и перспектива // Закон. 2012. № 2. С. 73–84.
19. Пудовочкин Ю. Легитимация уголовного права // Уголовное право. 2007. № 4. С. 37–42.
20. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы политического в преступлении и преступного в политике (методологические размышления) // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 5–17.
21. Рахманова Е.Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. М.: Университетская книга, 2008.
22. Скобликов П.А. Основания и последствия ослабления ответственности за экономические преступления в современной России // Закон. 2011. № 9. С. 96–105.
23. Щедрин Н.В. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал. ОГУЭП. Иркутск, 2012. № 2. С. 5–12.

¹⁷ Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4.

¹⁸ Мальков А.В. Теория правовой политики. М., 2012. С. 310–312; Пилипенко Ю.С. Концепция уголовно-правовой политики: реальность и перспектива // Закон. 2012. № 2. С. 73–84.

Some Theoretical Grounds of Development
of Criminal Law in Modern Russia

Ivanov A.M.,

Doctor of Law, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law,
Law School of Far Eastern Federal University
(Vladivostok)

E-mail: Ami_25.07@bk.ru

Korchagin A.G.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Competition and Business Law,
Law School of Far Eastern Federal University
(Vladivostok)

Abstract. *The clear understanding of the main trends in criminal law allows not only to elaborate a correct attitude to it, but to develop adequate policy in combatting the crime within the country as well, suppose the authors of the article, inviting the readers to consider of that social problem.*

Keywords: *grounds, crime, legal policy, main trends, criminal law.*

References

1. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Novaya ugovornaya politika v sfere protivodeystviya ekonomicheskoy i nalogovoy prestupnosti: est' voprosy // Biblioteka kriminalista. 2013. № 1. S. 5–19.
2. Babaev M., Pudovochkin Yu. Kontsentratsiya repressii kak printsip ugovornoy politiki // Ugovornoe pravo. 2010. № 4. S. 169–175.
3. Babaev M., Pudovochkin Yu. Kontseptsiya ugovorno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Ugovornoe pravo. 2012. № 4.
4. Babaev M., Pudovochkin Yu. «Mertvye» normy v ugovornom kodekse: problemy i resheniya // Ugovornoe pravo. 2010. № 6. S. 4–10.
5. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Printsipy ugovornogo prava i osnovaniya ego ustoychivogo razvitiya // Biblioteka kriminalista. 2012. № 1. S. 5–16.
6. Golovko L.V. Institut ugovorno-pravovoy mediatsii i ego perspektivy v Rossiyskoy Federatsii // Zakon. 2009. № 4. S. 127–135.
7. Golovko L.V. Kontseptual'nye osnovy ugovornoy politiki v sfere ekonomiki // Zakon. 2011. № 9. S. 43–56.
8. Golovko L.V. Neobkhodimost' prinyatiya organizatsionnykh mer po preodoleniyu negativnykh tendentsiy razvitiya ugovornogo i ugovorno-protsessual'nogo zakonodatel'stva // Zakon. 2012. № 9. S. 70–82.
9. Esakov G.A. Ot administrativnykh pravonarusheniy k ugovornym postupkam, ili o sushchestvovanii ugovornogo prava v shirokom smysle // Biblioteka kriminalista. 2013. № 1. S. 37–45.
10. Zhalinskiy A.E. Ugovornoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Prospekt, 2009.
11. Zvecharovskiy I. O kontseptsii razvitiya ugovornogo zakonodatel'stva Rossii // Ugovornoe pravo. 2005. № 3. S. 32–34.
12. Ivanov A.M., Korchagin A.G. Obshcheteoreticheskaya kontseptsiya prav cheloveka kak vektor, opredelyayushchiy napravlenie sovershenstvovaniya pravovoy politiki v Rossii // Pravo i politika. 2013. № 7. S. 880–888.
13. Ivanov A.M., Korchagin A.G. Puti razvitiya ugovornogo prava do nachala XXI veka. Sravnitel'nyy analiz: monografiya. Lambert Publishing, 2014. 316 s.
14. Ivanchin A.V. O tselesoobraznosti postroeniya sostavov prestupleniy s administrativnoy preyuditsiyey // Biblioteka kriminalista. 2013. № 12. S. 98–107.
15. Mal'kov A.V. Teoriya pravovoy politiki. M., 2012.
16. Nomokonov V.A. «Kriminalizatsiya» administrativnogo prava ili administrativnyy proizvol kriminalizatsii // Biblioteka kriminalista. 2013. № 2. S. 208–213.
17. Petin I.A. Kontseptual'naya model' obshchey chasti Kriminal'nogo kodeksa Rossii // Biblioteka kriminalista. 2013. № 2. S. 291–315.
18. Pilipenko Yu.S. Kontseptsiya ugovorno-pravovoy politiki: real'nost' i perspektiva // Zakon. 2012. № 2. S. 73–84.
19. Pudovochkin Yu. Legitimatsiya ugovornogo prava // Ugovornoe pravo. 2007. № 4. S. 37–42.
20. Pudovochkin Yu.E. Problemy politicheskogo v prestuplenii i prestupnogo v politike (metodologicheskie razmyshleniya) // Biblioteka kriminalista. 2013. № 2. S. 5–17.
21. Rakhmanova E.N. Zashchita prav cheloveka ot kriminal'nykh ugroz v usloviyakh globalizatsii: kriminologicheskii i ugovorno-pravovoy analiz. M.: Universitetskaya kniga, 2008.
22. Skoblikov P.A. Osnovaniya i posledstviya oslableniya otvetstvennosti za ekonomicheskie prestupleniya v sovremennoy Rossii // Zakon. 2011. № 9. S. 96–105.
23. Shchedrin N.V. Osnovnye napravleniya reformirovaniya sistemy mer ugovornogo vozdeystviya: opyt zakonodatel'nogo proektirovaniya // Kriminologicheskii zhurnal. OGUER. Irkutsk, 2012. № 2. S. 5–12.